Рδ 20/314
НА ОТВЕТСТВЕННОГО

ЭБ

ДВОРЯНСТВО

и

ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ.

БЕРЛИНЪ, 1862.
B. BEHR'S BUCHHANDLUNG (E. BOCK).
подъ липами No. 27.

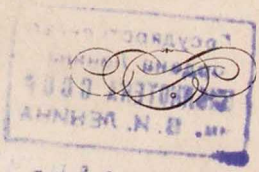
НЕ КОПИРОВАТЬ
801.84
5256-8

ДВОРЯНСТВО

и

ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ.

Р 20/314

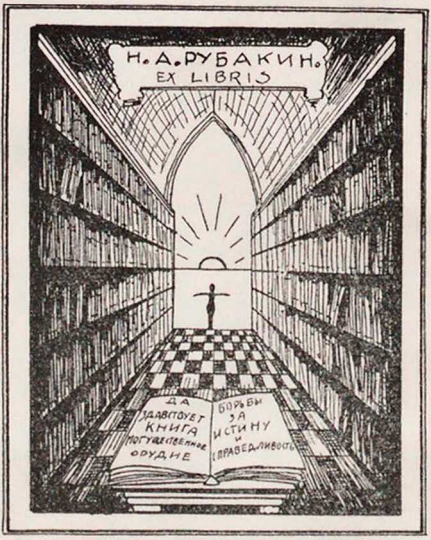

БЕРЛИНЪ, 1862.
B. BEHR'S BUCHHANDLUNG (E. BOCK).
подъ липами No. 27.

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
112384-48

ДВОРЯНСТВО И ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ.

Н. А. РУБАКИН.
EX LIBRIS
ДА
ЗДРАВСТВУЕТ
КНИГА
ПОГУБИТЕЛЬНОЕ
ОРУДИЕ
БОРЬБЫ
ЗА
ИСТИНУ
И
СПРАВЕДЛИВОСТЬ

ДВОРЯНСТВО И ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ.

Крѣпостной вопросъ разрѣшенъ и разрѣшеніемъ его почти всѣ остались не довольны. Крестьянинъ тужитъ, что ему еще два года придется работать на барина или платить прежній, можетъ быть тяжелый оброкъ; ему жаль земли, которая отрѣжется изъ его поля на барина; его беретъ раздумье надъ тяжелой повинностью, которая останется на немъ по уставной грамотѣ. Многаго, что ожидаетъ его впереди, онъ еще не разобралъ хорошенько, но то, что онъ понялъ, вовсе не отвѣчаетъ его ожиданіямъ и надеждамъ. Дворяне тоже не довольны и можетъ быть еще болѣе чѣмъ крѣпостные. Повинности ихъ бывшихъ подданныхъ урѣзаны, часть земли будто перестала имъ принадлежать, издѣльная работа тоже значительно умалена противъ дѣйствительности. Чѣмъ замѣ-

нить ее? Наемные работники страшно дороги, да и хорошо еще когда ихъ можно нанять хотя бы за высокую плату, а то мѣстами и ихъ никакъ нельзя добыть. Чтобъ поставить хозяйство на новую ногу, нужны деньги, нужно много денегъ, а ихъ нѣтъ и занять неукого. Притомъ, какъ то неловко, тяжело и почти унизительно чувствовать себя на каждомъ шагу связаннымъ закономъ и юридическими условіями въ томъ самомъ имѣніи, гдѣ до сихъ поръ жилось такъ свободно, почти безъ всякихъ ограниченій, полнымъ хозяиномъ. Мы убѣждены въ томъ, что всѣ эти и подобныя имъ непріятныя впечатлѣнія только что начавшейся реформы мало по малу разсѣятся, что недоумѣнія и частныя неудобства, которыя по ея поводу возникли и будутъ еще возникать постепенно разъяснятся и уладятся. Помѣщики и крестьяне по немногу привыкнутъ къ новому порядку дѣлъ, присмотрятся къ тому, что имъ кажется теперь дикимъ и увидятъ полезныя и выгодныя стороны реформы, заслоняемыя пока новостью дѣла, чрезмѣрными ожиданіями и чрезмѣрными опасеніями. Временныя потери помѣщиковъ, гдѣ оныя и будутъ, уравновѣсятся впослѣдствіи прибылями, и тоже забудутся. Частные случаи безвозвратныхъ потерь и совершеннаго разоренія конечно

представятся и между помѣщиками и между крестьянами; но они неизбѣжны при всякомъ коренномъ общественномъ переворотѣ, встрѣчаются даже въ самое покойное время, при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ и слѣд. не идутъ въ счетъ. Въ концѣ концовъ, освобожденіе крестьянъ окажется черезъ нѣсколько лѣтъ не такимъ страшнымъ, какъ казалось съ перваго взгляда, на другой день, послѣ обнародованія манифеста.

Многіе пожалуй и готовы съ этимъ согласиться. Лучшая образованнѣйшая часть дворянства досадуетъ собственно не за освобожденіе крестьянъ, съ необходимостью котораго уже свыклась, не за надѣлъ ихъ землею, которою и до сихъ поръ крестьяне пользовались на самомъ дѣлѣ, не за матеріальныя пожертвованія, которыя дворянство всегда приносило и теперь приноситъ на общую пользу. Настоящая причина горечи и негодованія гораздо глубже. Дворянство не можетъ примириться съ мыслью, что правительство освободило крестьянъ какъ ему хотѣлось, а не какъ хотѣли дворяне, что дворянство даже не было порядочно выслушано; что правительство не сочло нужнымъ объясниться передъ нимъ, почему освобождаетъ крестьянъ такъ, а не иначе, почему отвергло его предложенія. Роль перваго сословія

Имперіи въ дѣлѣ такой важности вышла жалкая и унизительная. Правительство его успокоивало, спрашивало мнѣнія, заставляло работать и потомъ рѣшило помимо него, соображаясь съ его желаніями когда хотѣло и на сколько хотѣло. Дворянство видитъ въ этомъ обманъ, оскорбленіе, нестерпимый произволъ и насиліе, и вотъ что его глубоко возмущаетъ. Оттого, съ какимъ то злорадствомъ смотритъ оно на всѣ ошибки и промахи Правительства по крѣпостному вопросу, придавая имъ размѣры и значеніе, которыхъ они, если смотрѣть на дѣло спокойно и хладнокровно, на самомъ дѣлѣ можетъ быть и не имѣютъ.

Къ чувству глубокаго оскорбленія присоединяется еще и тяжелое раздумье: что же станется теперь съ дворянствомъ? До сихъ поръ оно было первымъ сословіемъ въ Имперіи; совершись освобожденіе согласно съ его предложеніями и безъ земли — оно сохранило бы свое положеніе и поселенные на помѣщичьихъ земляхъ крестьяне остались бы къ владѣльцамъ въ вассальномъ подчиненіи и зависимости. Но теперь, когда освобожденіе совершено Правительствомъ помимо дворянства, когда каждый бывшій крѣпостной крестьянинъ будетъ имѣть свой клочекъ земли, вырванный у помѣщиковъ изъ рукъ насильственно, что

ожидаетъ дворянство впереди? Власть бюрократіи и чиновниковъ страшно усилится, все мѣстное управленіе окончательно перейдетъ въ ихъ руки, а дворянство, потерявъ всякое значеніе и всякую власть, сравняется съ другими классами народа и изчезнетъ въ ихъ огромной массѣ. Такое послѣдствіе освобожденія, въ томъ видѣ какъ оно совершилось, неизбѣжно и наступитъ очень скоро. При всеобщемъ обѣдненіи дворянства, ему не выдержать новаго порядка дѣлъ, новыхъ условій хозяйственнаго быта, не имѣя кредита, который бы далъ возможность изворотиться на первыхъ порахъ; а у насъ, вслѣдствіе плохаго законодательства, частный кредитъ не существуетъ; Правительство же, истощивъ банки на свои надобности, подорвало и этотъ обильный источникъ ссудъ. Чтожъ дѣлать? Большинство дворянства должно будетъ по неволѣ продать свои имѣнія и, расплатившись съ долгами, остаться не при чемъ.

Такія мысли и чувства волнуютъ теперь дворянъ; отсюда негодованіе и злоба, съ которыми большинство ихъ встрѣтило Манифестъ 19го Февр.

Отбросивъ преувеличенія и крайности, естественныя при раздраженіи, нельзя не согласиться, что въ раздумьи и опасеніяхъ дворянства есть своя доля правды. Положеніе этого сословія въ

самомъ дѣлѣ теперь критическое. Въ немъ совершается крутой переворотъ какого оно никогда еще не испытывало. Рѣчь идетъ не о минутномъ разстройствѣ, но о дальнѣйшемъ существованіи и судьбѣ сословія, шедшаго до сихъ поръ постоянно во главѣ образованія и всякаго успѣха въ Россіи. Въ такую важную и критическую для него минуту правильная и безпристрастная оцѣнка настоящаго положенія, причинъ, которыя его приготовили и уясненіе вѣроятной и возможной будущности есть дѣло первостепенной государственной важности, ибо только зная настоящее и прозрѣвая въ будущее можно рѣшить по какому пути слѣдуетъ идти дворянству, какія лучшія средства выдти ему изъ теперешнихъ затрудненій не теряя своего значенія, только приспособляясь къ новымъ обстоятельствамъ и условіямъ. Оставаться при одномъ негодованіи было бы для него унизительно, безполезно и безплодно; надѣяться на счастливыя случайности тоже нельзя и нечего; онѣ сто разъ его манили и обманывали. Только опираясь на самаго себя, довѣряя себѣ и своимъ силамъ, дѣйствуя сознательно и разумно, дворянство будетъ въ состояніи перенести кризисъ, снова окрѣпнуть и удержать за собою то почетное мѣсто, которое оно занимало такъ долго. Если дворянство

не пойметъ этого и не будетъ сообразно съ тѣмъ дѣйствовать, то другіе элементы замѣнятъ его и выполнятъ его дѣло, потому что Исторія ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ не останавливается; она пользуется тѣмъ, что ей годно, осуждая на ничтожество и забвеніе всё что силится ей поперечить.

Мы глубоко убѣждены, что русскому дворянству можетъ предстоять счастливая будущность и блестящая роль. Оно самое образованное и сравнительно самое богатое изъ всѣхъ сословій; оно содержитъ въ себѣ живые зародыши возрожденія. Теперешнее критическое его положеніе есть результатъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, которыя уже измѣнились и политическихъ ошибокъ, которыя могутъ еще быть исправлены.

Мы обращаемся къ лучшей просвѣщеннѣйшей части русскаго дворянства, безъ лести и страха, съ однимъ искреннимъ желаніемъ добра, съ надеждою, что голосъ нашъ будетъ услышанъ. Если ставя правду, особенно въ такомъ важномъ дѣлѣ, выше всего, мы должны были высказывать горькія истины — она оцѣнитъ чистоту нашихъ побужденій и принявъ всѣ или хоть нѣкоторыя изъ нашихъ мыслей, переложитъ ихъ въ дѣло своимъ авторитетомъ, вліяніемъ и примѣромъ.

I.

Прежде всего предстоитъ рѣшить вопросъ: что есть дворянство? Необходимо ли высшее сословіе вездѣ и всегда, или оно существуетъ только при извѣстныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ и съ измѣненіемъ ихъ должно, рано или поздно изчезнуть? При теперешней чрезвычайной разноголосицѣ мнѣній, при крайнихъ и рѣзкихъ сужденіяхъ въ самомъ противуположномъ смыслѣ, обойти эти вопросы нельзя. Если высшія сословія явленіе временное, историческое и рано или поздно должно перестать существовать, говорить о будущности дворянства въ Россіи есть явная несообразность и нелѣпость. Каждому дворянину слѣдовало бы въ такомъ случаѣ посовѣтовать воспользоваться теперешнимъ преобразованіемъ какъ онъ умѣетъ и знаетъ, не заботясь объ остальномъ. Если же высшее сословіе существуетъ вездѣ и всегда измѣняясь только въ своихъ формахъ, то вопросъ о будущности дворянства есть одинъ изъ самыхъ жизненныхъ вопросовъ Россіи и переходъ этого сословія изъ одной формы въ другую, сообразно обстоятельствамъ времени — предметъ достойный глубокаго размышленія и близкій каждому дворянину.

Съ мыслью о дворянствѣ мы привыкли непремѣнно соединять представленіе о какой нибудь исключительной наслѣдственной привилегіи. Это производитъ чрезвычайное смѣшеніе понятій и сбиваетъ съ толку. Для однихъ дворянство есть привилегированный классъ крѣпостниковъ, стало быть, съ прекращеніемъ крѣпостнаго права дворянство должно изчезнуть. Смотря по точкѣ зрѣнія, одни объ этомъ горюютъ, другіе радуются, но и тѣ и другіе согласны въ томъ, что безъ крѣпостнаго права нѣтъ дворянства. Есть также мнѣніе, сложившееся у насъ исторически, что наше, дворянство, есть прежде всего сословіе, наслѣдственно посвятившее себя государственной, военной и гражданской службѣ; дворянинъ никогда не служившій или торгующій кажется какимъ то страннымъ, уродливымъ изъятіемъ изъ общаго правила, почти не дворяниномъ; такой же не дворянинъ въ настоящемъ смыслѣ и тотъ, кто дослужился до дворянства изъ другихъ сословій. Тоже самое думаютъ многіе и о другихъ, такъ называемыхъ дворянскихъ привилегіяхъ; распространеніе ихъ на другія сословія кажется имъ униженіемъ для дворянства, какимъ то посягательствомъ на его высокое общественное положеніе, а уравненіе въ гражданъ-

скихъ правахъ считается равнозначительнымъ уничтоженію этого сословія.

Смотря съ этой точки зрѣнія, нѣтъ мѣста для сомнѣнія и спора. Служебныя и всѣ прочія привилегіи дворянства рушатся однѣ за другими; не много еще пройдетъ времени и почти всѣ удержавшіяся еще до селѣ мало по малу тоже отмѣнятся. Отсюда слѣдовало бы заключить, что наше дворянство падаетъ и осуждено вскорѣ совсѣмъ изчезнуть. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Съ дворянствомъ мы соединяемъ понятіе о высшемъ первенствующемъ сословіи въ Имперіи. Неужели безъ исключительныхъ наслѣдственныхъ привилегій оно существовать не можетъ? Мы противнаго мнѣнія и исторія представляетъ блистательныя доказательства въ нашу пользу. Въ какой странѣ высшее сословіе богаче, могущественнѣе, вліятельнѣе чѣмъ въ Англіи? а оно не пользуется никакими привилегіями. Семейство первѣйшаго лорда и послѣдній нищій равны въ правахъ Участіе аристократіи въ Верхнемъ Парламентѣ основано въ Англіи, главнымъ образомъ, на владѣніи Маіоратами, которые переходятъ изъ рода въ родъ къ одному лицу не по закону, а въ силу завѣщательныхъ распоряженій, введенныхъ обычаемъ; участіе въ Нижнемъ Парламентѣ и въ мѣстномъ

Управленіи, основано также на поземельномъ владѣніи, доступномъ по праву для всякаго. И такъ наслѣдственная привилегія и высшее сословіе — двѣ вещи совершенно розныя, которыхъ нельзя смѣшивать не впадая въ грубыя ошибки. Намъ потому только представляется привилегія въ такой неразрывной связи съ понятіемъ о высшемъ сословіи, что дворянство до сихъ поръ было у насъ и во многихъ другихъ Государствахъ, привилегированнымъ сословіемъ. Точно также намъ думалось, что фабричная и мануфактурная промышленность только и можетъ существовать при запретительномъ или по крайней мѣрѣ покровительственномъ тарифѣ; но впослѣдствіи оказалось, что такой тарифъ не только её не охраняетъ, но существенно мѣшаетъ ей развиваться, устраняя соперничество и тѣмъ погружая ее въ усыпленіе и дремоту. Изъ упадка дворянскихъ привилегій слѣдуетъ только, чго это сословіе не можетъ долѣе оставаться въ теперешнемъ своемъ видѣ, что оно перерождается, что настало для него время измѣнить свои формы. Это достовѣрно и несомнѣнно; но выводъ, что въ Россіи съ упадкомъ дворянскихъ привилегій, не будетъ вовсе высшаго, первенствующаго сословія, совершенно произволенъ, не основанъ ни на чемъ и объясняется лишь

превратнымъ понятіемъ о томъ, что такое высшее сословіе, какое его назначеніе въ общей экономіи народной жизни, какія истинныя причины его существованія.

Различіе сословій, различное участіе ихъ въ государственной и общественной жизни есть явленіе общее всему человѣческому роду, отъ начала міра до нашего времени. Какое общество мы ни возмемъ, на какой бы ступени развитія оно ни стояло, въ каждомъ непременно нѣкоторая его часть выдѣляется изъ массы народонаселенія, и въ томъ или другомъ видѣ первенствуетъ надъ нею. Въ этомъ отношеніи, общества, въ которыхъ массы народа не имѣютъ никакихъ правъ, и тѣ, гдѣ основнымъ закономъ признано полное безусловное гражданское и политическое равенство всѣхъ сословій и не существуетъ никакихъ привилегій, подчинены одному, очевидно общему, всемірному закону. Ясно, что неравенство сословій дано не обстоятельствами, а самой природой человѣка и человѣческаго общества и причину его открыть не трудно. Люди по физической природѣ, по умственнымъ и другимъ своимъ способностямъ неравны между собою со дня рожденія. Изъ этого прирожденнаго неравенства вытекаетъ и неравенство внѣшней ихъ дѣятельности; одни

предпріимчивы, изобрѣтательны, неутомимы, другіе нѣтъ; одни дѣлаютъ много, скоро, хорошо, другіе мало, медленно и плохо. То что человѣкъ творитъ во внѣшнемъ мірѣ становится его собственностью, которую онъ оставляетъ послѣ себя дѣтямъ или завѣщаетъ близкимъ; отсюда новый источникъ неравенства. Одни, создавая много, имѣютъ большую собственность, другіе, творя мало, имѣютъ мало принадлежащихъ имъ вещей или вовсе не имѣютъ собственности; одни получаютъ наслѣдство и потому не имѣютъ нужды пріобрѣтать её; другіе не получаютъ наслѣдства и должны сами пріобрѣтать собственность.

Прирожденное физическое и нравственное неравенство нельзя измѣнить; никто его и не оспариваетъ, такъ оно несомнѣнно и очевидно; но неравенство имущественное многимъ кажется чѣмъ то произвольнымъ, искуственнымъ случайнымъ. Его по видимому прекратить очень легко: стоитъ только отмѣнить собственность и наслѣдство. Такія предложенія дѣлались соціалистами но они оказались совершенно не осуществимыми, потому что противурѣчатъ закону свободы, столько же непреложному какъ законъ общежитія. Право собственности, право оставлять ее послѣ себя своимъ дѣтямъ и близкимъ, есть для огромнаго большин-

ства людей лучшій плодъ и награда трудовъ и усилій. Отнимите эти два сильнѣйшихъ побужденія для дѣятельности, и одни только избранные будутъ продолжать трудиться и работать, а большинство не станетъ ничего дѣлать, впадетъ въ бездѣйствіе, въ умственную и нравственную апатію. Какъ бы общественная жизнь ни была идеально устроена, съ какою бы строгою справедливостью и безпристрастіемъ ни распредѣлялись вещественныя, матеріальныя блага между людьми, съ какою бы нѣжною заботливостью ни пеклось общество послѣ умершаго объ оставшихся въ живыхъ, дорогихъ ему лицахъ — всё это никогда не замѣнитъ права собственности, права оставлять наслѣдство частнымъ лицамъ, потому что въ этихъ двухъ правахъ выражается свобода человѣка, которая ему такъ дорога, безъ которой онъ становится животнымъ, а общество человѣческое — стадомъ барановъ.

Въ прирожденномъ и имущественномъ неравенствѣ людей коренится, какъ сказано, причина общественнаго неравенства, возвышенія и первенства одного слоя общества надъ массой народонаселенія. Съ одной стороны, природный умъ, таланты, добродѣтели, знаніе, опытность даютъ въ каждомъ обществѣ естественное преимущество од-

нимъ людямъ передъ прочими; съ другой пріобрѣтенное собственными трудами или полученное по наслѣдству имущество, ставя человѣка въ независимое матеріальное положеніе, освобождая его отъ ежедневнаго тяжкаго труда изъ за куска хлѣба и тѣмъ доставляя необходимый досугъ, открываетъ ему возможность посвящать себя наукѣ, искуствамъ, заниматься общественными дѣлами и интересами — возможность, которой лишенъ бѣдный труженикъ, борющійся ежедневно съ голодомъ и нуждою. Къ этому должно прибавить, что матеріальная независимость даетъ средства къ болѣе тщательному воспитанію съ малолѣтства, а оно пробуждаетъ и изощряетъ умъ, развиваетъ таланты, укрѣпляетъ хорошія природныя наклонности и подавляетъ въ зародышѣ дурныя, словомъ, вызываетъ къ дѣятельности всѣ душевныя и нравственныя силы, которыя при отсутствіи воспитанія и при тяжкихъ заботахъ съ самой юности о существованіи, остаются не развитыми, глохнутъ, грубѣютъ и наконецъ замираютъ въ массахъ людей, неимѣющихъ собственности и живущихъ трудомъ.

И такъ природныя свойства и собственность суть неискоренимый, вѣчный источникъ неравенства людей и различія вышихъ и нисшихъ сосло-

вій во всѣхъ человѣческихъ обществахъ, во всѣ времена, на всѣхъ ступеняхъ развитія. Отъ чего же у всѣхъ почти народовъ, съ успѣхами образованія и съ развитіемъ матеріальнаго довольства, среднее и нисшее сословія смотрятъ на высшіе классы враждебно и возстаютъ противъ нихъ? Отъ чего борьба сословій составляетъ такое же необходимое явленіе въ жизни каждаго народа, какъ и самое ихъ различіе? Отъ чего почти у всѣхъ народовъ рано или поздно создаются самыя необузданныя теоріи равенства, наполняющія исторію слезами и кровью, и безусловно отрицающія всякое неравенство, которое однако, какъ мы видѣли, есть основный законъ человѣческихъ обществъ? Причины должно искать не въ существованіи высшихъ классовъ, а въ томъ, что они большею частію незная и не понимая своего назначенія и роли, замыкаются въ наслѣдственныя касты, обставленныя привилегіями, никого не пускаютъ въ свою среду изъ другихъ сословій, управляютъ дѣлами страны въ однихъ исключительно своихъ интересахъ, не думая о благѣ и пользѣ прочихъ сословій и общественныхъ элементовъ.

Исключительность, привилегія, узкій, близорукій эгоизмъ, — вотъ подводные камни, о которые разбились и разрушились высшія сословія въ

большей части государствъ. Дворянство должно быть первымъ между равными, а оно, сложившись, почти всюду становилось господиномъ и какъ всякій господинъ, постепенно облѣнивилось, тупѣло и ограждало свое видное и выгодное положеніе не заслугами, а привилегіями и насиліемъ, въ ущербъ другимъ классамъ народа. Послѣдніе съ успѣхами образованія, съ большимъ развитіемъ матеріальнаго довольства, не могли этого незамѣтить, теоріи равенства, злая критика прирожденныхъ привилегій, выражали этотъ взглядъ, это отрицательное отношеніе народа къ дворянству, и чѣмъ дворянство было безумнѣе, тѣмъ эти теоріи, эта критика, были страстнѣй, безпощаднѣй, радикальнѣй. Самый страшный примѣръ такого рода представляетъ намъ Франція, гдѣ въ первую революцію погибла отъ народнаго гнѣва значительная часть дворянства; на противъ того, Англія и до сихъ поръ представляетъ образецъ высшаго сословія, которое съ рѣдкимъ благоразуміемъ рано отказалась отъ привилегій и духа исключительности, сдѣлало всѣ сословія причастными правамъ, которыми само пользуется и въ слѣдствіе того удержало и по наше время свое значительное положеніе въ глазахъ народа и политическую роль въ Государствѣ. Причина весьма понятна. Высшее сословіе, кото-

рое отмежевалось отъ другихъ породою, привилегіями и властью, есть предметъ справедливой зависти для другихъ классовъ народа, особенно для тѣхъ, которые по образованію и богатству стоятъ не ниже его; для нихъ привилегія породы кажется вопіющею несправедливостью, власть одного сословія надъ другими — нестерпимымъ притѣсненіемъ. Отсюда до ненависти къ высшему сословію, до полнаго отрицанія высшаго сословія и его необходимости вообще — одинъ шагъ. Напротивъ, когда доступъ въ ряды аристократіи открытъ для всѣхъ и каждаго, когда она, вслѣдствіе того, безпрестанно обновляется новыми притоками изъ другихъ классовъ и изъ себя выдѣляетъ въ массу народа чуждые ей элементы; когда не пользуясь никакими привилегіями, она на равнѣ со всѣми прочими сословіями, подчиняется законамъ страны и обязанностямъ, налагаемымъ государствомъ — тогда зависти и ненависти нѣтъ и не можетъ быть мѣста; теоріи враждебныя высшему сословію по принципу не находятъ многочисленныхъ послѣдователей; принадлежать къ высшему сословію становится цѣлью стремленій, и оно, вслѣдствіе того, сохраняетъ свое высокое политическое и общественное значеніе.

Рѣдко гдѣ аристократія вела себя такъ лег-

комысленно и безумно какъ во Франціи и такъ политически расчетливо и дальновидно какъ въ Англіи. Въ большей части Европейскихъ Государствъ монархическая власть достигла законодательными и административными мѣрами того, что во Франціи сдѣлалось посредствомъ революціи, въ Англіи вслѣдствіе глубокаго политическаго смысла Англійскаго народа и высшаго дворянства. Исключительныя привилегіи дворянства, власть его надъ народомъ, духъ касты — все это пало мало по малу подъ дѣйствіемъ центральной правительственной власти. Это тоже была своего рода революція противъ дворянства, но болѣе медленная, тихая, и произведенная не снизу, а сверху.

Мы не пишемъ исторіи дворянства; намъ дороги только общія ея черты и общій результатъ. Что же мы видимъ? всюду есть, были и будутъ высшія сословія, и всюду, гдѣ только они отдалились отъ народа, замкнулись внутри себя и исключительно присвоили себѣ и своему потомству всю власть, не заботясь объ общемъ благѣ и о прочихъ классахъ, тамъ аристократіи либо были истреблены народомъ, либо подавлены Правительствами, — которыя заступили ихъ мѣсто. Вездѣ чрезмѣрно сильная власть Правителства была необходимымъ послѣдствіемъ неправильнаго отноше-

нія аристократіи къ невѣжественнымъ и бѣднымъ массамъ. Напротивъ тамъ гдѣ дворянство не чуждалось народа, обновлялось свѣжими и лучшими его соками, не пользовалось исключительными привилегіями и ища своихъ пользъ заботилось въ тоже время и объ интересахъ другихъ классовъ, тамъ оно удержало власть, сохранило почетъ въ глазахъ народа, измѣнялось сообразно съ потребностями времени и обстоятельствъ и не допуская ни одного общественнаго элемента до исключительнаго господства надъ прочими, осталось въ странѣ по прежнему высшимъ, уважаемымъ сословіемъ. Вотъ чему насъ учитъ исторія. Важный, многозначительный урокъ, которымъ необходимо воспользоваться всякому дворянству, мечтающему о власти и политической роли.

II

Судьбы русскаго дворянства представляютъ многія общія черты съ дворянствомъ прочихъ континентальныхъ государствъ, но имѣютъ и свои отличительныя, характеристическія особенности. Не касаясь дворянства Остзейскаго, Малороссійскаго и Польскаго въ Западныхъ Губерніяхъ, ко-

торое образовалось подъ вліяніемъ особенныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ, мы остановимся на дворянствѣ Великорусскомъ, самомъ многочисленномъ и принадлежащемъ къ первенствующему племени, изъ котораго и около котораго сложилось русское Государство.

Русское дворянство тѣмъ существенно отличается отъ прочихъ Европейскихъ, что съ самаго начала, уже въ колыбели, имѣло значеніе служебнаго класса. Изъ за жалованья и добычи удальцы всякаго племени и происхожденія поступали въ службу къ князьямъ; были между ними и такіе, которые служили потомственно; никакихъ опредѣленныхъ правъ въ отношеніи къ князьямъ они не имѣли, на самомъ дѣлѣ послѣдніе должны были дѣлиться съ ними добычею и совѣщаться о всѣхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ какъ съ своими военными товарищами, иначе дружина могла не послушаться князя, что нерѣдко и бывало, или будучи имъ недовольна, оставить его и поступить на службу къ другимъ князьямъ.

Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока князья перестали переходить изъ княжества въ княжество, изъ удѣла въ удѣлъ и усѣлись на мѣстахъ. Вмѣстѣ съ ихъ осѣдлостію начинается нѣкоторая осѣдлость и ихъ военныхъ спутниковъ, получив-

шихъ въ управленіе или въ кормленіе города и волости. Здѣсь первый зародышъ поземельныхъ правъ нашего дворянства, которое тогда окончательно получило значеніе служилаго класса, подчиненнаго князю и сохранило лишь право переходить отъ нею на службу къ другимъ князьямъ. Со всѣмъ тѣмъ, князь, по прежнему, совѣтовался съ служилыми людьми, судилъ вмѣстѣ съ ними тяжбы и по совѣщанію съ ними издавалъ законы и отправлялъ другія дѣла Княжества.

Окончательное образованіе нашего дворянства относится къ тому времени, когда удѣлы мало по малу исчезли въ русской землѣ и соединились въ одно Московское Государство. Тогда бывшіе удѣльные князья поступили въ ряды слугъ Московскаго Государя и стало около Московскаго престола какъ высшее, знатное дворянство; бывшіе же ихъ слуги образовали нисшее, городовое, мѣстное дворянство. Тѣ и другіе получили отъ Московскаго Государя въ пользованіе земли, для службы, а поселенные на нихъ крестьяне, впослѣдствіи прикрѣплены къ землѣ. Въ XVII вѣкѣ эти населенныя помѣстья, съ прикрѣпленнымъ къ нимъ сельскимъ населеніемъ, мало по малу обратились въ полную наслѣдственную собственность высшаго и нисшаго дворянства и образовали те-

перешнія дворянскія имѣнія. Огромное большинство ихъ имѣетъ такое происхожденіе, потому что Московскіе Государи лишили почти всѣхъ бывшихъ удѣльныхъ князей ихъ родовыхъ вотчинъ и обратили ихъ въ помѣстья, а въ замѣнъ ихъ пожаловали князьямъ или ихъ потомкамъ другія земли, на помѣстномъ правѣ.

Какъ только дворянство сложилось, тотчасъ же обнаружилось въ высшихъ слояхъ его стремленіе организоваться въ политическое сословіе наслѣдственное, привилегированное, отдѣленное отъ народа. Ряды высшаго дворянства сомкнулись и право участвовать въ царскихъ совѣтахъ обратилось въ исключительную привилегію только извѣстныхъ знатныхъ родовъ. Входъ и выходъ въ городовое и мѣстное дворянство въ XVII вѣкѣ мало по малу тоже прекратился.

Московскіе Государи рано почуяли опасность, которая грозила, съ этой стороны, ихъ власти и всячески старались предупредить ее и ослабить. Они стали давать сельскимъ и городскимъ обществамъ самоуправленіе посредствомъ выборныхъ, стали выводить и возвышать лица имъ преданныя изъ низшаго дворянства и другихъ классовъ, и даже изъ иностранцевъ, на вѣрность которыхъ расчитывали; поручали имъ мѣстное и разныя от-

расли центральнаго управленія, и подъ разными благовидными предлогами призывали ихъ къ участію и въ Царской думѣ. Разныя законодательныя мѣры, издаваемыя въ томъ же духѣ и съ тою же цѣлью, шли объ руку съ административными распоряженіями. Такимъ образомъ, очень рано началась борьба между Царского властью и вельможествомъ. Смотря по личному характеру Государей, она то утихала, то принимала бо́льшіе размѣры, какъ при Іоаннѣ Грозномъ, но не прекращалась она никогда, и рядомъ съ постепенными разширеніями предѣловъ Государства и внѣшними сношеніями наполняетъ всю нашу исторію отъ Іоанна IIIго до царствованія Петра Великаго включительно, составляя одну изъ интереснѣйшихъ и поучительнѣйшихъ ея страницъ. Два съ половиною вѣка длилась эта борьба съ перемѣннымъ счастіемъ. Были минуты, когда высшее дворянство оставалось на время побѣдителемъ, именно когда свергнувъ съ престола династію Годуновыхъ, оно выбрало своего царя — князя Василія Ивановича Шуйскаго; въ другой разъ оно восторжествовало, поставя царемъ Михаила Федоровича Романова и обязавъ его обезпечить присягою гражданскія права и политическую роль высшаго дворянства на будущее время. Но эти минуты были не продолжи-

тельны. Борьба кончилась полнымъ, совершеннымъ торжествомъ Самодержавія. При Петрѣ, ряды высшаго дворянства разомкнуты окончательно и стали доступны для всѣхъ и каждаго, по годности къ службѣ. Сенатъ составленный изъ лицъ назначаемыхъ Государемъ изъ высшихъ сановниковъ, дослужившихся до извѣстнаго чина изъ какого бы то ни было званія, замѣнилъ Боярскую Думу, составленную изъ родичей извѣстныхъ только знатныхъ родовъ. Послѣдующія безуспѣшныя попытки высшаго дворянства воспользоваться слабостью самодержавной власти и возвратить себѣ прежнее политическое значеніе были лишь слабымъ отголоскомъ борьбы, которая окончательно завершилась въ пользу самодержавія при Петрѣ Великомъ.

Чѣмъ объяснить такой печальный для высшаго дворянства исходъ борьбы? Какой тайной силой обладало самодержавіе, чтобъ побороть своего могучаго противника? Скажутъ: сила, хитрость; но вѣдь этими же средствами располагало и высшее дворянство. Таланты Государей? Дѣйствительно между ними многіе были одарены необычайнымъ государственнымъ и политическимъ смысломъ, однако не всѣ были таковы; при томъ же мы знаемъ, что и въ высшемъ дворянствѣ были

люди высокихъ талантовъ; сверхъ того, были минуты, когда обстоятельства особенно благопріятствовали вельможеству, и такихъ минутъ было не мало: малолѣтство Іоанна IV, царствованіе сына его Ѳеодора, время междуцарствія, первые годы царствованія Михаила Ѳедоровича, царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, смутное время передъ воцареніемъ Петра. Если, не смотря на свое политическое положеніе, на свѣжія еще историческія воспоминанія, на богатство и на благопріятныя обстоятельства, высшее дворянство не воспользовалось этими минутами и пало въ борьбѣ, то причины должно искать глубже, въ его общественномъ положеніи, въ его отношеніяхъ къ массамъ народа. Наше высшее дворянство не имѣло корней въ народѣ, было ему чуждо, стояло къ нему почти враждебно. Областные правители съ своими слугами и людьми, пріѣзжая на кормленіе, немилосердно грабили и обирали мѣстныхъ жителей, такъ что цѣлыя области разбѣгались отъ ихъ притѣсненій. Чванясь своей породой и знатностію, оно высокомѣрно и презрительно обращалось съ прочими классами и тѣмъ отталкивало ихъ отъ себя; оно попустило, а можетъ быть и желало прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ и обратило ихъ мало по малу въ рабовъ; оно рѣзкой чертой отдѣлилось

отъ остальнаго народонаселенія и никого не пускало въ свои ряды, ни къ высшимъ государственнымъ почестямъ и власти. Наконецъ, выдѣлившись изъ народа, оно какъ всякое замкнутое сословіе, пользующееся всѣми благами въ видѣ прирожденной привилегіи, впало въ апатію, ничему не училось и ничего не дѣлало. Уже въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка невѣжество его поражало современниковъ. Самодержавіе отлично воспользовалось этими слабыми сторонами знати. Борьба съ нею не могла не возбуждать въ народѣ глубокаго сочувствія къ царской власти и придавало ей въ глазахъ массы значеніе воплощенной божеской справедливости, карающей сильнаю и спѣсиваго обидчика. Незнатные и бѣдные, но грамотные, дѣловые и практическо — опытные люди, призываемые Государями къ управленію и власти, осыпаемые ихъ милостями, были тоже имъ преданы. Московскіе цари, пользуясь этимъ расположеніемъ народа и тогдашнихъ грамотѣевъ и опираясь на нихъ, успѣли сдѣлать кое что для общаго блага страны, во всякомъ случаѣ гораздо больше чѣмъ высшее дворянство и тѣмъ окончательно привязали къ себѣ народныя массы. Стоитъ безпристрастно прочесть кровавую лѣтопись царствованія Грознаго, стоитъ прислушаться къ на-

роднымъ преданіямъ изъ того времени, чтобъ убѣдиться, съ чьей стороны, даже въ эту ужасную эпоху, были симпатіи народнаго большинства.

Съ реформы Петра Великаго паденіе вельможества очистило остальному дворянству путь къ высшимъ государственнымъ степенямъ и власти. Отсюда начинается блестящая его исторія и продолжается до кончины Императора Александра Іго. Во всѣхъ важныхъ событіяхъ внѣшней и внутренней жизни государства оно принимало самое дѣятельное и благотворное участіе. Цѣлая фаланга замѣчательныхъ государственныхъ людей, дипломатовъ, писателей, полководцевъ вышла изъ среды этаго сословія. Не пользуясь юридически исключительной привилегіей сидѣть въ царскихъ совѣтахъ и стоять у кормила правленія, оно на самомъ дѣлѣ пользовалось большимъ значеніемъ, большою властію и правило Государствомъ. Служба и чинъ стали теперь давать дипломъ на дворянство; вслѣдствіе этого лучшіе элементы изъ прочихъ классовъ вступили въ ряды этого сословія и придали ему особенный блескъ, предохраняя отъ застоя и неподвижности, столько опасныхъ для всякаго сословія. Въ половинѣ XVIII вѣка, дворянство успѣло выхлопотать себѣ разныя гражданскія права, соотвѣтствующія его положенію и

духу времени: не отъемлемость дворянства и не прикосновенность лица и имущества иначе какъ за преступленіе и по суду себѣ равныхъ и съ Высочайшаго утвержденія, свободу отъ тѣлесныхъ наказаній, отъ личныхъ податей и рекрутства; право служить или неслужить, право ѣздить за границу и поступать на службу въ иностранныхъ Государствахъ. Дворянство образовалось въ мѣстныя дворянскія общества, съ выборными Губернскими и Уѣздными предводителями во главѣ, съ правомъ ходатайствовать о своихъ общественныхъ нуждахъ и пользахъ, дѣлать представленія и приносить жалобы, исключать изъ своихъ собраній недостойныхъ членовъ, имѣть свои сборы и свою казну; кромѣ того, мѣстныя полицейскія, многія судебныя и нѣкоторыя другія должности стали замѣщаться лицами, выбранными дворянствомъ изъ своей среды. При открытомъ доступѣ въ это сословіе, его права не были исключительной привилегіей; скорѣе они служили приманкой для другихъ сословій, которыя и стремились попасть въ дворянство. Послѣднее стало такимъ образомъ представителемъ всего лучшаго, богатаго и талантливаго въ народѣ.

Для начала трудно было находиться въ условіяхъ болѣе благопріятныхъ, чѣмъ наше дворянство

въ промежутокъ времени отъ Петра до 1825 года. Къ несчастію, крѣпостное право поставило это сословіе въ фальшивое, щекотливое положеніе къ цѣлой половинѣ сельскаго народонаселенія Имперіи, это чудовищное право подсѣкло дворянство подъ корень, вытянуло изъ него лучшіе соки, изсушило его, прежде чѣмъ оно успѣло расцвѣсти въ полной красѣ. Уже во время Александра Iго мысль объ освобожденіи крестьянъ запала въ лучшіе умы и стала бродить въ обществѣ. Самъ Государь былъ склоненъ къ ней и указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, прекращеніе пожалованія населенныхъ имѣній и нѣкоторыя другія мѣры свидѣтельствуютъ о готовности его привести ее въ исполненіе. Болѣе хитрое и расчетливое Остзейское дворянство, предугадывая вѣрнымъ политическимъ чутьемъ послѣдствія этой мысли, понявъ, что если оно само не позаботится о разрѣшеніи этого вопроса, то онъ будетъ разрѣшенъ помимо его Правительствомъ, поспѣшило освободить своихъ крестьянъ какъ само хотѣло и выговорило себѣ при этомъ львиную долю. Русское дворянство не было такъ предусмотрительно и дальновидно. Оно всѣми силами схватилось за это несчастное право, держалось за него до нельзя, и цѣлымъ рядомъ ошибокъ, бывшихъ неизбѣжнымъ, роковымъ послѣд-

ствіемъ этой основной коренной ошибки, дошло до теперешняго безсилія и ничтожества.

Печальную картину представляетъ исторія русскаго дворянства за послѣдніе полъ-вѣка. Озабоченное одною мыслью удержать за собою крѣпостное право, оно въ Царскихъ совѣтахъ упорно сопротивлялось всякимъ полезнымъ реформамъ, прямо или косвенно затрогивавшимъ крѣпостной вопросъ; подъ вліяніемъ той же задушевной мысли, оно мало по малу стало во враждебное отношеніе къ литературѣ, къ наукѣ, къ университетамъ и просвѣщенію, во всемъ стало тормозить развитіе народной жизни, гдѣ и какъ и сколько могло. Въ мѣстномъ управленіи оно начало избирать въ представители своего сословія, въ полицію и суды только тѣхъ, которые защищали помѣщиковъ и ихъ драгоцѣнное крѣпостное право, не заботясь и не думая ни о чемъ остальномъ. Стремясь неудержимо все далѣе и далѣе по этому роковому пути, дворянство присвоило исключительно одному себѣ печальную привилегію рабовладѣнія, какъ будто нарочно хотѣло на одномъ себѣ сосредоточить всю силу народнаго негодованія, оно затруднило другимъ классамъ вступленіе въ службу и переходъ въ дворянство, и чрезъ это стало все болѣе и болѣе смыкаться въ исклю-

чительное привилегированное сословіе. Не имѣя матеріальной необходимости работать и трудиться, оно отвыкло отъ труда и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы предавалось покою и совершенному бездѣйствію въ своихъ имѣніяхъ. Даже воспитаніемъ стало оно пренебрегать, вслѣдствіе того, что крѣпостное право и другія привилегіи освобождали его отъ необходимости вести трудовую жизнь. Дѣти невольно заражались примѣромъ родителей. Словомъ, наше дворянство снова повторило исторію нашего стариннаго вельможества, только уже не въ политической, а въ гражданской сферѣ. При такихъ условіяхъ, образованіе, мало по малу проникавшее къ намъ изъ Европы, разумѣется немогло принести пользы дворянству, напротивъ оно послужило ему во вредъ. Праздность и бездѣйствіе развили въ дворянствѣ суетность, роскошь, мотовство. Не умѣя брать изъ Европы то хорошее, что она выработала, оно заимствовало только внѣшній лоскъ образованности, привычки довольства, комфорта и разврата, стоившее Россіи очень дорого. Такія наклонности разстроили дворянство и ввели его въ долги; пришлось, чтобъ неотставать отъ другихъ, заложить имѣнія; но какъ ссуды служили не къ поправленію разстроеннаго состоянія, а къ продолженію того же образа жизни,

то кредитныя учрежденія, всюду предназначенныя для устройства дѣлъ и обогащенія заемщиковъ и всюду оказавшія это благодѣтельное дѣйствіе, у насъ повели только къ окончательному разоренію большинства, помѣщиковъ. Послѣ того дворянству оставалось одно изъ двухъ: или приняться снова за службу и на счетъ казны и просителей поправить свои дѣла, избѣгая въ тоже время кредиторовъ и тюрьмы, или налечь на крестьянъ и пополнять дефициты огромными оброками и усиленными работами подданныхъ. Одни прибѣгли къ первому изъ этихъ способовъ и тѣмъ уронили всякій кредитъ къ служащимъ дворянамъ; другіе обратились ко второму, все болѣе и болѣе раздражая противъ дворянства сельское населеніе; третьи не пренебрегали обоими способами, находя вѣроятно соединеніе ихъ особенно для себя выгоднымъ.

Въ то время какъ дворянство, запутанное крѣпостнымъ правомъ, клонилось къ упадку, событія шли своимъ чередомъ, принося свои нужды и потребности. Внутренній бытъ требовалъ коренныхъ реформъ; менѣе важныя изъ нихъ постепенно совершались, хотя очень медленно, потому что дворянство мѣшало имъ на каждомъ шагу; что касается до болѣе важныхъ преобразованій, то они не двигались съ мѣста, тоже по винѣ дво-

рянства. Въ самомъ дѣлѣ, что можно было сдѣлать хорошаго, когда половина народонаселенія принадлежала частнымъ лицамъ и не имѣла никакихъ гражданскихъ правъ? а на этомъ пунктѣ дворянство было непреклонно, и всѣ попытки Самодержавія остались безсильными; постановлены были, правда, послѣ разныхъ сопротивленій высшаго сословія, нѣкоторыя частныя ограниченія произвола помѣщиковъ, но они большею частью остались на бумагѣ, не перейдя въ дѣйствительную жизнь. Между тѣмъ потребность радикальныхъ реформъ становилась все ощутительнѣй, народъ все болѣе и болѣе тяготился крѣпостнымъ правомъ, чаще и чаще заявлялъ свое нетерпѣніе....

Въ такомъ положеніи захватила насъ неожиданно Крымская война. Разомъ открыла она всѣмъ глаза на страшное положеніе въ какомъ мы находились. Оказалось, что настоятельная потребность реформъ, о которой многіе давно и напрасно твердили, не была праздною болтовнею опасныхъ мечтателей и злоумышленниковъ, но дѣйствительною насущною потребностью, которую теперь увидалъ и понялъ всякій. Съ тѣмъ вмѣстѣ для всѣхъ стало до послѣдней очевидности ясно, что крѣпостное право не можетъ долѣе держаться, что ему приспѣлъ послѣдній часъ.

По окончаніи войны Государь поднялъ этотъ вопросъ, самый коренной, самый существенный, безъ разрѣшенія котораго невозможенъ никакой успѣхъ, никакія преобразованія. И вотъ, дворянству снова представился удобный, счастливый случай поправить прежнія ошибки и ставъ, во главѣ великой реформы, выиграть себѣ отличное положеніе и передъ народомъ и передъ Правительствомъ; но оно такъ глубоко пало и вслѣдствіе того было такъ ослѣплено и обезсилено, что на такой великій политическій и гражданскій подвигъ ему недостало ни пониманія, ни мужества. Не будучи подготовлено къ реформѣ размышленіемъ и знаніемъ дѣла и потому не подозрѣвая, что освобожденіе крестьянъ хотя и потребуетъ сначала нѣкоторыхъ жертвъ, но въ послѣднемъ результатѣ будетъ для него и матеріально и политически гораздо выгоднѣе чѣмъ удержаніе крѣпостнаго права, дворянство погрузилось въ копѣечные расчеты, забарикадировалось за своими отжившими привилегіями и на первыя заявленія Правительства о прекращеніи крѣпостнаго права отозвалось пассивнымъ отрицаніемъ; потомъ, когда увидѣло, что дѣло неостанавливается на однихъ заявленіяхъ, пустилось спекулировать на освобожденіе и стало выводить баснословныя суммы, за

которыя соглашалось разстаться съ этой печальной привилегіей, когда же и это неудалось, оно пробовало запугать правительство угрозами народныхъ бунтовъ и дворянской Конституціи! Но Правительство, разъ рѣшившись покончить съ крѣпостнымъ вопросомъ, конечно не могло испугаться этихъ угрозъ. Цѣлый народъ не возстаетъ, когда съ него снимаютъ ярмо рабства; дворянство же, изолированное отъ другихъ классовъ народа, безсильно вынудить у Правительства Конституцію. Кончилось тѣмъ, что Правительство освободило народъ, великодушно и благоразумно приписавъ этотъ подвигъ не одному себѣ, но и дворянству. Но слова Манифеста никого не ввели въ заблужденіе. Англійская газета *Times* говоритъ, что дворянство съ самоубійственной близорукостью оттолкнуло отъ себя въ руки Императора всю честь и всю заслугу этого великаго дѣла. Нельзя къ сожаленію не согласиться, что это такъ: дворянство отнеслось къ вопросу объ освобожденіи крестьянъ нехотя, отрицательно, пассивно, и было обойдено. Ему остались на долю одно напрасное сѣтованіе и безсильная злоба.

III.

Съ изданіемъ Манифеста и Положеній 19 Февраля для дворянства начинается новая эпоха. Какъ ни тягостна ему отмѣна крѣпостнаго права при настоящихъ его обстоятельствахъ и въ теперешнемъ его положеніи, но она снова даетъ ему возможность поправить старыя ошибки, связать свои интересы съ пользами и выгодами прочихъ классовъ, занять въ странѣ твердое и почетное общественное положеніе и возвратить прежнее, теперь ослабленное вліяніе на бытъ Государства. Но для этого дворянство должно совсѣмъ иначе взглянуть на свои права, обязанности, отношенія и выгоды, чѣмъ смотрѣло до сихъ поръ: вмѣстѣ съ измѣнившимися обстоятельствами и обстановкою и оно должно переродиться. Сама судьба какъ будто ведетъ его на этотъ путь, не смотря на его горькія сѣтованія.

Положенія 19 Февраля обрисовываютъ довольно ясно тѣ новыя условія, въ которыя отнынѣ, рано или поздно, будетъ поставлено дворянство въ Россіи. Крѣпостное право уже не можетъ быть, какъ было до сихъ поръ, отличительною характеристикою дворянскихъ преимуществъ. Земли занимаемыя

теперь крѣпостными крестьянами обратятся, такъ или иначе въ собственность послѣднихъ и всякія обязательныя отношенія ихъ съ бывшими помѣщиками совершенно прекратятся. Дворянство обратится такимъ образомъ въ классъ землевладѣльцевъ и постепенно уравняется во всѣхъ гражданскихъ правахъ съ прочими сословіями; ибо свободы отъ имущественныхъ податей и рекрутства оно со временемъ лишится, а свобода отъ личныхъ податей, отъ тѣлесныхъ наказаній и нѣкоторыя другія дворянскія преимущества распространятся на всѣ сословія. Чтобы предвидѣть это не надобно быть пророкомъ; это очевидно для всякаго, кто хоть немного знаетъ исторію и понимаетъ теперешній ходъ дѣлъ въ Россіи.

Вліяніе этихъ существенныхъ перемѣнъ на бытъ и положеніе дворянства предсказать тоже не трудно. Въ значеніи его, съ тѣмъ вмѣстѣ и въ личномъ его составѣ, произойдетъ коренная перемѣна. Теперь дворянство есть привилегированное, наслѣдственное и отчасти замкнутое въ себѣ сословіе, независимо отъ того, владѣетъ оно имѣніями или нѣтъ; слѣдовательно рожденіе и пожалованіе опредѣляютъ теперь принадлежность къ дворянству; тогда же главнымъ, существеннымъ признакомъ высшаго сословія станетъ болѣе или

менѣе крупное землевладѣніе. Уже и теперь многія права дворянъ въ составъ дворянскихъ обществъ пріурочены къ владѣнію имѣніемъ извѣстнаго размѣра; уже и въ наше время съ понятіемъ дворянина невольно соединяется понятіе о владѣльцѣ имѣнія, преимущественно населеннаго. Тогда владѣніе значительною поземельною собственностью выступитъ еще болѣе на первый планъ и станетъ главнымъ характеристическимъ отличіемъ дворянства. Конечно, лица, принадлежащія по рожденію къ извѣстнымъ дворянскимъ фамиліямъ, особливо когда они хорошо воспитаны, имѣютъ достатокъ, хотя бы и не состоящій въ землѣ, или достигли своими талантами и заслугами почетнаго положенія въ обществѣ и государствѣ, будутъ по прежнему принадлежать къ дворянству; но зерномъ, главнымъ интересомъ, около котораго сгруппируется это сословіе, будетъ, какъ сказано, крупное землевладѣніе. Большинство мелкихъ землевладѣльцевъ, хотя и дворянскаго происхожденія, силою обстоятельствъ и имущественными интересами болѣе чѣмъ теперь приблизятся къ небольшимъ землевладѣльцамъ другихъ сословій и мало по малу сольются съ ними въ одно сословіе, точно также какъ большіе поземельные собственники изъ другихъ сословій, силою тѣхъ же имущественныхъ

интересовъ, станутъ сближаться съ дворянствомъ и наконецъ вступятъ въ его ряды.

Эта новая группировка сословій по имуществу и землевладѣнію конечно произойдетъ не вдругъ, а исподволь, незамѣтно. Воспитаніе, образованность, бытъ, привычки и фамильныя воспоминанія долго будутъ задерживать эти переходы изъ одного общественнаго разряда въ другой, но сама жизнь приведетъ къ тому мало по малу. Имущественные интересы, матеріальная обстановка, родъ занятій, среда, въ которой вращаются люди имѣютъ на нихъ огромное вліяніе и перерождаютъ ихъ уже во второмъ поколѣніи; не должно также забывать, что съ успѣхами народнаго образованія, умственный и нравственный уровень прочихъ сословій возвысится вмѣстѣ съ улучшеніемъ ихъ матеріальнаго быта, а это значительно облегчитъ переходы изъ одного сословія въ другое. Наконецъ, что мы считаемъ особенно важнымъ, какъ для дворянства, такъ и для прочихъ сословій — эти переходныя ступени между ними свяжутъ ихъ въ одно цѣлое, и теперешняя, во всѣхъ отношеніяхъ гибельная разобщенность классовъ прекратится. Дворянство, переставъ быть замкнутымъ сословіемъ, будетъ принимать въ себя новые элементы изъ другихъ классовъ и выдѣлять

изъ себя въ нисшіе слои народа тѣ, которые стали ему чужды. Вслѣдствіе этого, весь народъ составитъ одно органическое тѣло, въ которомъ каждый будетъ занимать высшую или нисшую ступень одной и той же лѣствицы; высшее сословіе будетъ продолженіемъ и завершеніемъ нисшаго, а нисшее служить питомникомъ, основаніемъ и исходною точкою для высшаго. То, чему весь міръ удивляется въ Англіи, что составляетъ источникъ ея силы и величія, то, чѣмъ она такъ справедливо гордится передъ прочими народами — именно правильное, нормальное отношеніе между нисшими и высшими классами, органическое единство всѣхъ народныхъ элементовъ, открывающее возможность безконечнаго мирнаго развитія посредствомъ постепенныхъ реформъ, дѣлающее невозможнымъ революцію нисшихъ классовъ противъ высшихъ — все это будетъ и у насъ, если только дворянсто пойметъ свое теперешнее положеніе и благоразумно имъ воспользуется. Сила обстоятельствъ неудержимо толкаетъ насъ на этотъ путь, вопреки нашимъ безпрестаннымъ ошибкамъ и поразительной близорукости.

Что можетъ создать русскому дворянству отличное положеніе въ народѣ, что пророчитъ ему возможность долгой и счастливой будущности, это

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

именно то, противъ чего оно такъ возстаетъ, за что въ особенности такъ негодуетъ на Правительство, — это освобожденіе крестьянъ съ землею. Новое устройство сельскаго народонаселенія въ Россіи слагаетъ у насъ бытъ безпримѣрный въ исторіи Огромное большинство народа, за самыми незначительными изъятіями весь народъ, будетъ у насъ причастенъ благу поземельной собственности. Этимъ мы заранѣе на всегда избавляемся отъ голоднаго пролетаріата и неразрывно съ нимъ связанныхъ мечтательныхъ теорій имущественнаго равенства, отъ непримиримой зависти и ненависти къ высшимъ классамъ и отъ послѣдняго ихъ результата — соціальной революціи, самой страшной и неотвратимой изъ всѣхъ, потрясающей народный организмъ въ самыхъ его основаніяхъ и во всякомъ случаѣ гибельной для высшихъ сословій. Гдѣ массы народа имѣютъ свой кровъ, свой трудовой кусокъ хлѣба, какъ бы онъ скуденъ ни былъ, гдѣ онѣ имѣютъ точку опоры противъ случайныхъ напастей въ клочкѣ земли, тамъ нѣтъ мѣста всѣмъ этимъ печальнымъ и страшнымъ явленіямъ, насильственно вынуждаемымъ голодомъ и отчаяніемъ. Въ этомъ отношеніи будущность русскаго дворянства даже свѣтлѣе, обезпеченнѣе, чѣмъ высшихъ классовъ въ Англіи, гдѣ

кругъ землевладѣльцевъ мало по малу все стѣсняется и огромныя массы народа, живущія теперь въ довольствѣ отъ промышленности и торговли, могутъ когда нибудь, вслѣдствіе ограниченія, по тѣмъ или другимъ причинамъ, всемірнаго промышленнаго и торговаго владычества Англіи, остаться безъ куска хлѣба. Россія — государство по преимуществу земледѣльческое. Какъ бы ни развилась у насъ фабричная промышленность и торговля, онѣ никогда не создадутъ у насъ такого могучаго средняго сословія купцовъ и фабрикантовъ и столько же многочисленнаго безземельнаго и бездомовнаго класса фабричныхъ рабочихъ и пролетаріевъ, въ противуположность землевладѣльческимъ классамъ и поземельной собственности, какъ въ Европѣ. Главнымъ центромъ промышленности, на очень долгое время, если не навсегда, останется у насъ земледѣліе, и около него будутъ группироваться всѣ прочія отрасли производительности и промышленной жизни; съ тѣмъ вмѣстѣ и классъ землевладѣльцевъ на всегда останется главнымъ, первенствующимъ сословіемъ; по землевладѣльческимъ интересамъ будутъ, главнымъ образомъ, располагаться общественные разряды и группы.

Повторяемъ, сама исторія, помимо насъ вопреки нашей волѣ, толкаетъ насъ впередъ по

этому пути, готовя дворянству общественное положеніе и будущность, какихъ ни одно высшее сословіе неимѣло ни у одного народа. Надѣленіе всѣхъ крестьянъ землею дало ему гранитный, не сокрушимый фундаментъ; общеніе съ другими классами сдѣлаетъ его законнымъ представителемъ страны; а преобладаніе землевладѣльческихъ и земледѣльческихъ интересовъ свяжетъ его неразрывными узами съ большинствомъ народонаселенія, имѣющаго тѣ же самые интересы и на всегда сохранитъ за нимъ значеніе высшаго сословія. Изъ теперешняго своего положенія оно возметъ съ собою и упрочитъ высшую степень образованности, славныя воспоминанія изъ прошедшихъ событій, въ которыхъ играло такую дѣятельную и почетную роль, высокое положеніе на ступеняхъ общественной іерархіи, которыя наполняетъ теперь собою преимущественно передъ всѣми другими классами.

Съумѣетъ ли дворянство воспользоваться этимъ своимъ завиднымъ положеніемъ и, не сопротивляясь болѣе исторіи, пойдетъ ли сознательно и разумно по открытому передъ нимъ широкому пути — въ этомъ теперь вся сила, весь жизненный вопросъ настоящей минуты. Упорствуя по прежнему, оно сгубитъ себя и свое потомство,

но хода дѣлъ все таки не перемѣнитъ. Если оно будетъ, какъ доселѣ, чуждаться другихъ классовъ народа, оно по прежнему останется изолированнымъ и безсильнымъ стараясь, вопреки закону, урѣзать у бывшихъ своихъ крѣпостныхъ часть земли или всю землю, притѣсняя ихъ и обирая какъ встарь, оно окончательно раздражитъ массы, вызоветъ ихъ на открытую вражду, и ненависть ихъ, рано или поздно, выразится не въ пользу, а въ ущербъ дворянству, его значенію и силѣ. Преслѣдуя минутныя денежныя выгоды и оставаясь по прежнему въ нравственной апатіи и невѣжествѣ, стараясь, во что бы то ни стало, удержать привычки роскоши не по средствамъ, дворянство разстроитъ себя въ конецъ и должно будетъ разстаться съ своими имѣніями. Лица другихъ классовъ смѣнятъ его и сдѣлавшись большими землевладѣльцами, вмѣсто теперешнихъ дворянъ, будутъ играть ихъ роль. На нѣкоторое время общій уровень образованія, конечно, отъ этаго понизится. Новое дворянство, заступивъ мѣсто теперешняго, принесетъ съ собою грубыя привычки разбогатѣвшаго мужика и мѣщанина; но пройдетъ пятьдесятъ лѣтъ, смѣнятся одно, два поколѣнія, и этотъ минутный перерывъ сгладится и забудется, оставивъ только грустное раздумье для будущаго потомка

нѣкогда богатаго дворянина и поучительный примѣръ неразумія и ослѣпленія цѣлаго сословія для будущаго историка.

IV.

Но, скажутъ намъ, положимъ, что будущее сіяетъ розовыми лучами; а настоящее? Какія средства имѣетъ дворянство ступить на новый путь? Что ему предстоитъ дѣлать? Какое будетъ оно имѣть вознагражденіе за тѣ стѣсненія правъ и матеріальныя лишенія, которыя создало для него освобожденіе крестьянъ? Нельзя же жить для одного будущаго, какъ бы оно ни было вѣроятно и даже несомнѣнно; нужно что нибудь и для настоящаго.

Если большинство дворянства серьезно убѣдится въ невозможности оставаться въ теперешнемъ своемъ положеніи, чего мы ему желаемъ отъ всего сердца; если оно, безпристрастно взвѣсивъ справедливость и вѣроятность сказаннаго выше, твердо рѣшится стать на новый путь, то и средства выдти изъ теперешняго затруднительнаго положенія найдутся; они подъ руками.

Положенія 19 Февраля, дѣйствительно потре-

буютъ пожертвованій со стороны дворянства, въ нѣкоторыхъ случаяхъ быть можетъ и весьма чувствительныхъ; но они во всякомъ случаѣ, ни кого не выбрасываютъ на улицу, ни кого не лишаютъ крова и пищи, не отнимаютъ всѣхъ средствъ существованія. Революціи поступаютъ иначе, и въ этомъ лежитъ огромное преимущество всякой мирной реформы, какъ бы она крута ни была. Положенія 19 Февраля открыли дворянству возможность исподоволь перейти къ новому порядку и предупредили грозившую катастрофу съ низу; въ этомъ великая ихъ заслуга, не смотря на частные недостатки. Какъ ни ощутительны лишенія и стѣсненія налагаемыя на дворянство вслѣдствіе освобожденія крестьянъ, однако одни слишкомъ пристрастные и раздраженные люди рѣшатся утверждать, что дворянство лишилось всего. Еще львиная часть осталась ему на долю и ею очень можно воспользоваться для того, чтобъ выдти изъ временнаго затрудненія. Кто хоть сколько нибудь читалъ или даже перелистывалъ положенія, тотъ конечно съ этимъ согласится.

А средства? Средства совершить ~~переходъ~~ отданы Положеніями 19 Февраля въ руки дворянства. Съ этой стороны нельзя не удивляться умѣренности и благоразумію, съ которымъ Правитель-

ство воспользовалось выгоднымъ своимъ положеніемъ при освобожденіи крестьянъ. Мысль объ этой реформѣ и иниціатива принадлежатъ ему; оно провело ее вопреки дворянству; вопреки ему, оно сократило крестьянскія повинности, оставило за крестьянами часть земли, дало имъ личныя права и независимое отъ дворянства общественное устройство. Будучи довольно сильно, чтобъ настоять на этихъ важныхъ реформахъ, чтобъ произвести ихъ безъ глубокихъ потрясеній и безъ междоусобной войны, на перекоръ видимому недовольству, тайному и явному сопротивленію дворянства, Правительство отдало приведеніе ихъ въ исполненіе въ его руки. Не коронные чиновники будутъ вводить положенія, а Мировые Посредники, которые, въ большей части случаевъ, въ противность Положеніямъ, избираются самимъ дворянствомъ; въ Губернскихъ Присутствіяхъ на три коронныхъ чиновника засѣдаютъ пятеро дворянъ; да и самые чиновники, — кто они, большею частью, какъ не тѣже дворяне? Какой превосходный случай разойтись съ крѣпостными полюбовно, безъ обиды, внушить къ себѣ благорасположеніе въ будущихъ сосѣдяхъ и удержать на нихъ самое сильное и продолжительное изъ всѣхъ вліяній — вліяніе, возникающее изъ довѣрія

къ образованности, справедливости, нравственнымъ качествамъ бывшихъ господъ? Этого рода вліяніе переживаетъ силу и право и установляетъ отношенія, которыхъ не создаетъ никакой законъ. „Дворяне отпустили отъ себя безъ обиды“ — это слово будетъ звучать въ отдаленнѣйшемъ потомствѣ бывшихъ крѣпостныхъ и будетъ при случаѣ очень полезно для потомковъ теперешняго дворянства, не только для насъ современниковъ. Передавъ исполненіе положеній 19 Февраля въ руки дворянства, Правительство какъ бы заслонило себя, выставило въ этомъ важномъ дѣлѣ на первый планъ дворянство и тѣмъ открыло ему широкую дверь для спокойнаго и достойнаго выхода изъ настоящаго въ лучшее будущее. Исходъ будетъ уже зависѣть отъ него и лежать на его отвѣтственности передъ судомъ потомства и исторіи.

Если дворянство хочетъ пережить теперешнюю трудную минуту съ пользою для себя, то ему слѣдуетъ, оставя ни къ чему не ведущія сѣтованія и безсильную досаду, серьезно позаботиться о сохраненіи за собою своихъ имѣній, о возможномъ сближеніи со всѣми классами народа, о пріобрѣтеніи возможно большаго вліянія на мѣстныя дѣла и управленіе.

Тѣ, которыхъ освобожденіе крестьянъ раз-

строиваетъ въ матеріальномъ отношеніи, у кого дѣла имѣнія запутаны, пусть бросаютъ службу и ѣдутъ жить въ свои деревни. На это рѣшиться конечно не легко, но нечего же дѣлать. Деревенская жизнь избавитъ отъ многихъ требованій и привычекъ роскоши и этикета, на которыхъ дворянство разоряется въ столицахъ и за границей; кромѣ того, жизнь въ деревнѣ дастъ возможность пристально заняться хозяйствомъ, не дать себя обкрадывать на каждомъ шагу и, что всего дороже, оно дастъ много досуга для чтенія и размышленія; наконецъ, этимъ способомъ дворянство всего скорѣе ознакомится съ положеніемъ своихъ собственныхъ дѣлъ, съ Россіею, съ народомъ. Лучше же это сдѣлать теперь, чѣмъ впослѣдствіи, когда уже будетъ поздно; ибо освобожденіе крестьянъ скоро положитъ конецъ тому спустя-рукава, въ какомъ мы жили до сихъ поръ, получая доходы отъ имѣній чрезъ старостъ и управляющихъ, не заботясь ни о чемъ, а истощеніе средствъ заставитъ же насъ когда нибудь бросить привычки роскоши, которыми мы теперь такъ дорожимъ.

Переселеніе дворянства изъ городовъ и столицъ въ свои имѣнія есть, по нашему глубокому убѣжденію, одно изъ самыхъ капитальныхъ условій его возрожденія. Одно это уже повлекло бы

за собою много самыхъ благихъ послѣдствій. Постоянное пребываніе большинства дворянъ въ имѣніяхъ открыло бы дворянству возможность сохранить ихъ за собою, дало бы ему дѣльное направленіе и полезную дѣятельность; вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ такого переселенія провинціи оживились бы во всѣхъ отношеніяхъ: онѣ наполнились бы порядочными, просвѣщенными людьми, въ нихъ распространились бы привычки и требованіе образованности, развилась бы мѣстная общественная жизнь и мѣстные интересы, отсутствіемъ которыхъ Россія такъ страдаетъ. Теперь всѣ жалуются на нестерпимую скуку въ губерніяхъ, на отсутствіе въ нихъ людей и самыхъ простыхъ, незатѣйливыхъ потребностей и удобствъ образованной жизни; съ переселеніемъ дворянства въ деревни все это скоро измѣнилось бы къ лучшему.

Кромѣ занятій хозяйствомъ и поправленія своихъ дѣлъ, дворянству слѣдуетъ особенно озаботиться и о томъ, чтобъ сблизиться съ прочими классами народа и привлечь ихъ къ себѣ. Для этого не нужно ни тратъ, ни чрезмѣрныхъ усилій: отсутствіе всякаго чванства и спѣси, ласковость, твердое знаніе дѣла, вѣрность въ словѣ и честность въ расчетахъ — вотъ качества, которыя требуются для того, чтобъ снискать общее къ себѣ довѣріе

и благорасположеніе въ массахъ народа. Чѣмъ рѣже встрѣчаются у насъ эти качества, тѣмъ они выше цѣнятся. Но прежде и больше всего дворянству должно стараться свято исполнить всѣ свои обязанности относительно крѣпостныхъ. На этомъ пунктѣ нельзя довольно настаивать, потому что отъ него будетъ зависѣть все остальное. Пусть дворянство самымъ добросовѣстнымъ образомъ рекомендуетъ мировыхъ посредниковъ, пусть воспользуется своимъ вліяніемъ, чтобъ разойтись и расчитаться съ крѣпостными безъ всякой для нихъ обиды и притѣсненій. Ни что такъ не послужитъ ему въ пользу и въ настоящемъ и въ будущемъ. Справедливый надѣлъ землею, возможно скорое отпущеніе на оброкъ, добросовѣстное и честное составленіе уставныхъ грамотъ, возможно скорый переходъ къ выкупу крестьянъ съ землею, по соглашенію или при содѣйствіи казны — вотъ чего мы ожидаемъ, чего мы требуемъ отъ дворянства, для его же пользы. Чѣмъ скорѣе оно совсѣмъ разстанется съ крѣпостнымъ правомъ, чѣмъ скорѣе изъ владѣльцевъ дворяне обратятся въ сосѣдей бывшихъ своихъ крѣпостныхъ, тѣмъ лучше, во всѣхъ отношеніяхъ, потому что тѣмъ скорѣе у дворянства будутъ развязаны руки. Съ прошедшимъ надобно покончить, во что бы то ни стало,

хотя бы съ пожертвованіями. Въ крѣпостномъ правѣ весь узелъ развязки, въ его правильномъ прекращеніи ключь къ возрожденію дворянства и Россіи.

Въ общественной дѣятельности дворянству слѣдуетъ стремиться къ той же цѣли. Общественная дѣятельность должна служить ему средствомъ для сближенія съ прочими классами народа, для пріобрѣтенія на нихъ вліянія, для занятія въ мнѣніи общества тогоже высокаго положенія и значенія, какое принадлежитъ ему теперь матеріально и юридически, и которымъ оно, къ сожалѣнію, такъ дурно пользуется. Множество мѣстъ замѣщается теперь въ провинціи выборными отъ дворянства: пусть же оно выбираетъ лучшихъ людей, самыхъ образованныхъ, знающихъ, безпристрастныхъ, дѣятельныхъ, честныхъ. Это внушитъ общее довѣріе къ дворянскому сословію. Оно, по закону, можетъ имѣть вліяніе на народное образованіе и воспитаніе; пусть же воспользуется этимъ, чтобъ распространять грамотность и просвѣщеніе во всѣхъ классахъ народа, пусть заводитъ школы, улучшаетъ по возможности училища, поощряетъ частныя учебныя заведенія; чѣмъ народъ образованнѣе, тѣмъ высшему сословію лучше, тѣмъ возможнѣе сближеніе классовъ, тѣмъ вѣрнѣе влія-

ніе образованнѣйшаго класса на прочіе. Дворянству, вмѣстѣ съ другими сословіями, предоставлено по закону, участіе въ составленіи смѣтъ, раскладкѣ и учетѣ земскихъ сборовъ на мѣстныя потребности; пусть же оно пользуется этимъ своимъ правомъ настойчиво и серьезно; пусть сдѣлается сберегателемъ общественныхъ денежныхъ интересовъ; это придастъ ему огромное значеніе въ глазахъ всѣхъ платящихъ, т. е. въ глазахъ всего мѣстнаго населенія, не говоря уже о томъ, что чрезъ сокращеніе издержекъ оно само много выиграетъ въ матеріальномъ отношеніи. По своему положенію и связямъ съ центральнымъ управленіемъ, дворянство имѣетъ большое личное, закулисное вліяніе на мѣстное управленіе и дѣла; пусть же пользуется этимъ вліяніемъ не во вредъ себѣ, какъ теперь, не для извлеченія минутныхъ выгодъ и личныхъ протекцій, а на общую пользу, для упроченія за собою виднаго и почетнаго нравственнаго положенія въ глазахъ цѣлой губерніи. Оно имѣетъ право ходатайствовать о своихъ пользахъ и нуждахъ, дѣлать Правительству представленія, приносить жалобы; пусть же пользуется этимъ великимъ правомъ для блага всѣхъ. Что нужды, что эти ходатайства, представленія и жалобы можетъ быть и не будутъ сперва уважены;

дворянство должно продолжать настойчиво ходатайствовать, представлять, жаловаться; если право на его сторонѣ и оно не выйдетъ изъ предѣловъ закона, придется напослѣдокъ уважить, особливо когда дворянство всѣхъ или большинства губерній будетъ дѣйствовать въ одномъ духѣ; интриги и происки могутъ заглушать справедливыя желанія лишь на нѣкоторое время, а не навсегда; выдержка, твердость, сознаніе своего права и строгое пребываніе въ границахъ закона должны наконецъ восторжествовать надъ предубѣжденіями, недобросовѣстностью и рутиной.

Нужно ли прибавлять, что дворянство должно соединить свои силы, отказаться отъ теперешней разрозненности, отъ раздробленія не партіи, ничего не значащія, ничего не выражающія, кромѣ мелкихъ претензій, отсталаго мѣстничества и личнаго тщеславія?

Дѣльныя, серьезныя занятія у себя дома хозяйствомъ, общественная дѣятельность напраляемая общею мыслью, безпрестанныя сношенія по дѣламъ общаго интереса, все это свяжетъ дворянъ той же мѣстности въ одно живое цѣлое и заставитъ умолкнуть партіи, обязанныя своимъ происхожденіемъ отсутствію серьезнаго труда и интереса, праздности и скукѣ.

Вотъ чего мы ожидаемъ и требуемъ отъ дворянства во имя его собственныхъ выгодъ, настоящихъ и будущихъ. Если не всѣ раздѣляютъ наши мысли, то конечно найдутся и такіе, которые намъ сочувствуютъ. Пусть же тѣ, которые не увлекаясь ближайшимъ смотрятъ впередъ и видятъ ясно теперешнее критическое положеніе, употребятъ всѣ усилія, чтобъ раскрыть глаза остальнымъ дворянамъ и дѣйствуя на нихъ своимъ вліяніемъ и примѣромъ, положатъ начало новому быту этого сословія. Медлить нечего. Каждая потерянная минута все болѣе и болѣе отдаляетъ возможность возрожденія. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ и оно, можетъ статься, окажется невозможнымъ.

V.

Многимъ изъ нашихъ читателей дѣятельность дворянства, заключенная въ означенныхъ тѣсныхъ предѣлахъ, покажется слишкомъ мелкой и ничтожной. Дворянство, скажутъ они, готово и на нее, но подъ условіемъ разширенія его правъ, установленія конституціонныхъ гарантій, участія въ политической жизни государства. Конституція

— вотъ что составляетъ теперь предметъ тайныхъ и явныхъ мечтаній и горячихъ надеждъ дворянъ; она во всѣхъ устахъ и сердцахъ; объ ней толкуется во всѣхъ кружкахъ, въ столицахъ и захолустьяхъ, это теперь самая ходячая и любимая мысль высшаго сословія.

Прежде всего уяснимъ себѣ, что такое конституція? Подъ это понятіе подходятъ предметы очень разнородные. Въ обширномъ смыслѣ подъ конституціей разумѣется всякое правильное государственное и общественное устройство, покоящееся на разумныхъ, непреложныхъ основаніяхъ и законахъ, — устройство, при которомъ нѣтъ мѣста для произвола, личность, имущество и права всѣхъ и каждаго обезпечены и неприкосновенны. Такой порядокъ дѣлъ возможенъ при всякомъ образѣ Правленія въ неограниченной Монархіи, какъ и въ республикѣ. — Блистательнымъ примѣромъ благоустроенной неограниченной Монархіи можетъ служить Пруссія въ послѣдніе тридцать сорокъ лѣтъ до 1848 г. Въ тѣсномъ смыслѣ, подъ конституціею разумѣется такое политическое устройство Государства, гдѣ верховная власть ограничена политическимъ представительствомъ, палатами или камерами, раздѣляющими съ нею, въ большей или меньшей степени, законодательную и высшую ад-

министративную власть. Смѣшеніе понятія о конституціи въ этихъ различныхъ значеніяхъ рождаетъ тысячи недоразумѣній между Правительствами и народами, въ особенности-же между людьми, одинаково желающими добра своей родинѣ.

Въ какомъ именно смыслѣ необходима, желательна, своевременна и возможна у насъ конституція: въ смыслѣ-ли внутренняго благоустройства, или въ смыслѣ представительнаго правленія?

Не только для дворянства, но и для цѣлаго народа совершенно необходимы личная и имущественная неприкосновенность, огражденная отъ произвола и насилія независимымъ, гласнымъ судомъ уголовнымъ и гражданскимъ; необходимъ правильный Государственный бюджетъ, публикуемый во всеобщее извѣстіе, и вообще правильное финансовое устройство; необходимо хорошее управленіе и полиція, дѣйствующія по законамъ, а не по произволу, и отвѣтственныя передъ правильнымъ, обыкновеннымъ судомъ; необходимы умные, толковитые и приспособленные къ потребностямъ страны уголовные и гражданскіе законы, расширеніе гласности, развитіе народнаго просвѣщенія въ обширныхъ размѣрахъ и т. п. Между тѣмъ, нельзя не сознаться, что наше управленіе, и мѣстное и центральное, требуютъ коренныхъ прео-

бразованій; наши законы спутаны и обвѣтшали; наше финансовое положеніе безпорядочно, разстроено и опасно; судопроизводство ни куда не годится; полиція ниже критики; народное образованіе встрѣчаетъ на каждомъ шагу препятствія, гласность предана произволу, не ограждена ни судомъ, ни закономъ. Во всѣхъ этихъ отрасляхъ нашей жизни замѣтны тотъ же хаосъ, та же безурядица, тоже смѣшеніе понятій и произволъ, какъ и въ нашихъ мысляхъ, о чемъ бы мы ни стали разсуждать; отсюда общее недовольство, броженіе умовъ, стремленіе къ другому порядку дѣлъ, высказывающееся все рѣзче и рѣзче, по мѣрѣ того, какъ время идетъ, а насущная потребность коренныхъ преобразованій въ законодательствѣ и управленіи остается неудовлетворенною. Значитъ ли это, что выходъ изъ теперешняго положенія невозможенъ безъ представительнаго правленія и палатъ? Исторія всѣхъ другихъ континентальныхъ Европейскихъ государствъ, кромѣ Франціи, доказываетъ противное; всюду преобразованія, требуемыя временемъ совершились до введенія политическихъ обезпеченій, и потому нѣтъ основанія считать у насъ первыя невозможными безъ послѣднихъ. Преобразованія, вводящія прочный, разумный и законный порядокъ въ странѣ, въ замѣнъ произвола и хаоса, по са-

мому существу дѣла, должны предшествовать политическимъ гарантіямъ, ибо подготовляютъ и воспитываютъ народъ къ политическому представительству. Тамъ, гдѣ какъ у насъ, царствуетъ глубокое невѣжество, гражданское и политическое растлѣніе, гдѣ честность и справедливость — слова безъ смысла, гдѣ не существуетъ первыхъ зачатковъ правильной, общественной жизни, даже нѣтъ элементарныхъ понятій о правильныхъ гражданскихъ отношеніяхъ, тамъ прежде представительнаго правленія и установленія Палатъ, нужны законодательныя реформы; тамъ общество должно сперва переродиться, чтобъ политическія гарантіи не обратились въ театральныя декораціи, въ намалеванныя кулисы, ничего незначащія, ничего не стоящія.

Но, скажутъ намъ, какъ же получить необходимыя преобразованія, когда они не дѣлаются? Положимъ, что путь законодательной реформы вѣрнѣе, прочнѣе, правильнѣе; однако, когда этимъ путемъ ничего не выходитъ, или выходитъ, но вяло, медленно, неполно, одно и есть средство произвести реформу — это представительное правленіе; оно разомъ двинетъ дѣло преобразованія; иначе мы очевидно попадемъ въ заколдованный кругъ: политическія гарантіи, говорятъ намъ, невозможны

безъ предшествующей имъ законодательной реформы, однако и послѣдняя, въ свою очередь, оказывается у насъ неосуществимою безъ представительнаго правленія. Какъ же, спрашивается, выдти изъ этого противорѣчія? Значитъ, на самомъ дѣлѣ, намъ суждено не двигаться съ мѣста?

Этотъ доводъ, по видимому, очень убѣдителенъ; но при сколько нибудь внимательномъ обсужденіи дѣла онъ разлетается въ прахъ. Необходимыя законодательныя реформы, и у насъ и всюду, не столько были плодомъ прекрасныхъ чувствъ и благородныхъ мыслей, сколько результатомъ неотложныхъ, практическихъ потребностей. Когда цѣлый порядокъ дѣлъ, или какое нибудь особливое учрежденіе, созданные предшествующимъ законодательствомъ и исторіей, до того обвѣтшаютъ, что становятся на каждомъ шагу помѣхою и для народовъ и для Правительствъ, тогда наступаетъ время реформы, которой уже никто и ничто отвратить не въ состояніи. Свѣтлые умы заранѣе предчувствуютъ и предсказываютъ эту минуту; тупые и близорукіе держатся существующаго порядка даже когда всѣ видятъ, что съ нимъ нельзя болѣе уживаться; но отмѣна его наступаетъ независимо отъ опередившихъ и запоздавшихъ, въ силу неотразимыхъ практическихъ нуждъ, кото-

рыя имѣютъ свое развитіе и свою судьбу. Многіе давно уже предвидѣли и призывали горячими желаніями освобожденіе крестьянъ, многіе и теперь еще возражаютъ противъ него; а оно наступило независимо отъ желаній однихъ и сопротивленія другихъ, въ ту минуту, когда массы народа и Правительство немогли долѣе существовать съ крѣпостнымъ правомъ и тѣми явленіями, которыя оно производитъ во всѣхъ сферахъ быта и управленія. Въ этомъ смыслѣ наступленіе неизбѣжныхъ преобразованій, которыхъ такъ жаждутъ всѣ просвѣщенные и благомыслящіе люди въ Россіи, которые составляютъ такую неотложную потребность нашего времени, обезпечено и несомнѣнно, и ничто въ мірѣ не отвратитъ ихъ. Сила обстоятельствъ и вещей уже требуетъ ихъ, съ каждымъ днемъ настоятельнѣй. Теперешнія предъубѣжденія противъ реформы, пустые страхи, интриги тѣхъ, кому она непріятна и нежелательна, или по неспособности и невѣжеству недоступна, должны скоро разсѣяться передъ свѣтомъ истины, очевидной пока для меньшинства, но которая въ короткое время станетъ убѣжденіемъ всѣхъ. Одно освобожденіе крестьянъ, не говоря о другихъ условіяхъ теперешняго нашего быта, вынудитъ реформу, какъ необходимое свое послѣдствіе.

Многимъ этотъ выводъ покажется, быть можетъ, мало утѣшительнымъ. Они, можетъ быть, найдутъ, что реформа, потребность которой такъ настоятельна, откладывается, такимъ образомъ, на неопредѣленное время, въ долгій ящикъ; политическія гарантіи, по ихъ мнѣнію, вѣрнѣе и скорѣе подвинули бы это дѣло.

Можетъ быть, и объ этомъ можно мечтать; но мечта и дѣйствительность вещи совершенно разныя. Мы съ своей стороны очень мало интересуемся фантазіями; то только и имѣетъ цѣну въ нашихъ глазахъ, что возможно и достижимо; но возможны ли и достижимы ли у насъ политическія гарантіи въ настоящее время? вотъ въ чемъ весь вопросъ. Мы глубоко убѣждены, что нѣтъ; а слѣдовательно и мечтать объ нихъ теперь нечего. Чтобъ имѣть представительное правленіе, надобно сперва получить его, и получивши, умѣть поддерживать, а это предполагаетъ выработанные элементы представительства въ народѣ, на которыхъ бы могло твердо и незыблемо основаться и стоять зданіе представительнаго правленія. Гдѣ же у насъ такіе элементы? Повсемѣстное, съ каждымъ годомъ возрастающее броженіе умовъ, на которое иные могутъ пожалуй сослаться, свидѣтельствуютъ только о пробужденіи народа къ

новой жизни, о насущной потребности коренныхъ реформъ въ законодательствѣ и управленіи, — потребности остающейся неудовлетворенною; но оно ни въ какомъ случаѣ не есть конституціонный элементъ. Если, не останавливаясь на поверхности вещей, на словахъ и возгласахъ, на отдѣльныхъ мнѣніяхъ, которыя мы такъ склонны принимать за мнѣніе всѣхъ, мы дадимъ себѣ трудъ вглядѣться въ глубь и понять настоящее положеніе вещей въ Россіи, что мы увидимъ? Составныхъ стихій народа у насъ двѣ: крестьяне и помѣщики; о среднемъ сословіи нечего говорить: оно малочисленно и пока такъ еще незначительно, что нейдетъ въ счетъ. Что касается до массъ народа, то конечно никто, зная ихъ хоть сколько нибудь, не сочтетъ ихъ за готовый, выработанный элементъ представительнаго правленія. Дай Богъ, чтобъ эти безграмотныя, большею частію бѣдныя, не развитыя массы, лишь со вчерашняго дня вышедшія изъ рабства, съумѣли какъ слѣдуетъ пользоваться своими гражданскими правами и тою скудною долею самоуправленія, которая имъ предоставлена закономъ. Остается дворянство. Въ наше время трудно себѣ представить исключительно дворянскую конституцію. Слава Богу, мы живемъ не въ средніе вѣка, не въ варварскія вре-

мена, когда она была возможна. Политическія права одного сословія и отсутствіе политическихъ правъ для всѣхъ другихъ, — это теперь что то не мыслимое, такое, что встрѣтило бы единодушное противодѣйствіе не только со стороны Правительства, но и со стороны массъ народа и всего просвѣщеннаго, либеральнаго въ Россіи.

Но допустимъ даже на минуту, что дворянское представительное правленіе возможно. Гдѣ, спрашивается, въ дворянствѣ элементы для его поддержанія? Что уполномочиваетъ насъ видѣть въ этомъ сословіи то твердое основаніе, тотъ гранитный пьедесталъ, на которомъ могла бы незыблемо покоиться политическая конституція? Все предъидущее изложеніе доказываетъ противное. Дворянство матеріально разстроено, политически стоитъ изолировано или враждебно съ прочими классами, не представляетъ ничьихъ интересовъ кромѣ своихъ собственныхъ, не составляетъ стройнаго, органическаго сословія, не пользуется даже своими сословными правами и участіемъ въ мѣстномъ управленіи, какъ бы слѣдовало ожидать отъ сословія, призываемаго къ политической роли въ Государствѣ. При такихъ условіяхъ, представительное правленіе у насъ невозможно; мысль о немъ не болѣе какъ праздная мечта, отголосокъ

раздраженія и страсти, не взвѣшивающей настоящаго, глубокаго смысла словъ. Толки о представительномъ Правленіи въ устахъ сословія, безсильнаго привести свою мысль въ исполненіе, смѣшны и были бы совершенно безвредны, еслибъ не роняли этаго сословія еще болѣе въ глазахъ Правительства, и всѣхъ понимающихъ настоящее положеніе вещей въ Россіи. Мы увѣрены, что еслибъ какимъ нибудь чудомъ политическая конституція и досталась теперь въ руки дворянства, то это была бы, конечно, самая горькая иронія надъ нынѣшнимъ жалкимъ его состояніемъ; она обнаружила бы вполнѣ всю его несостоятельность и скоро бы пала и была забыта, какъ много конституцій въ Европѣ, не имѣвшихъ твердыхъ основаній въ народѣ. Стоитъ только вспомнить конституціонную исторію Франціи и теперешнее ея положеніе.

Нѣтъ, не въ безплодныхъ мечтахъ о представительномъ правленіи должно искать дворянство выхода изъ теперешняго своего труднаго положенія. Ему прежде всего надобно самому переродиться, самому разстаться съ привычками неумѣренной роскоши, дароваго добыванія денегъ отъ крестьянъ или отъ службы и Правительства, забыть жизнь спустя-рукава; ему надо перестать

думать только о своихъ минутныхъ пользахъ и выгодахъ, и серьезно подумать о будущемъ, о пользѣ другихъ сословій страны, государства; ему надо много трудиться, образовать себя какъ слѣдуетъ, привыкнуть дѣйствовать по началамъ строгой справедливости и безпристрастія въ ежедневномъ частномъ быту, въ убѣжденіи, что только трудъ, знаніе и безусловная добросовѣстность ставятъ сословіе высоко въ мнѣніи народа и доставляютъ ему вліяніе и власть. Переродившись нравственно и поправя свои матеріальныя средства, дворянство найдетъ на первый разъ обширное и достойное поприще для гражданской дѣятельности въ сферѣ провинціальной, губернской, гдѣ теперь столько дѣла, и которая никогда не очистится и неулучшится, пока за это не примется дѣятельно высшее, образованнѣйшее сословіе. Сдѣлать провинціальную жизнь нетолько возможной и сносной, но даже удобной и пріятной — вотъ ближайшее призваніе дворянства, и повторяемъ, это оно можетъ сдѣлать, на это оно имѣетъ всѣ средства. Россія еще во всѣхъ отношеніяхъ печальная пустыня; ее надо сперва воздѣлать, начиная дѣло съ низу, а не сверху. Когда жизнь мало по малу отвлечется отъ столицъ и большихъ центровъ въ провинцію, тогда произойдетъ и желаемая всѣми

административная децентрализація. Во всякомъ случаѣ, самоуправленіе, эта любимая мечта всего просвѣщеннаго и либеральнаго въ Россіи, можетъ начать осуществляться пока только въ провинціи, при дѣятельномъ содѣйствіи дворянства. Въ этой плодотворной школѣ оно и приготовится, какъ слѣдуетъ, къ дальнѣйшей болѣе обширной политической дѣятельности, которая безъ того навсегда останется неосуществимой фантазіей. Опытъ показываетъ, что даже въ небольшихъ государствахъ невозможна гражданская и политическая свобода, безъ сильнаго развитія мѣстныхъ интересовъ и мѣстной жизни; какъ же будетъ она возможна безъ этаго условія въ такой огромной Имперіи какъ Россія? Будемъ же благоразумны и не растрачивая напрасно силъ на идеалы, займемся тѣмъ, чѣмъ можно и что у каждаго изъ насъ подъ руками. Время принесетъ свое, когда мы будемъ готовы. Отъ насъ зависитъ ускорить или замедлить его ходъ.

КОНЕЦЪ.

Печатано въ типографіи Г. Петца въ Наумбургѣ.

LIBRAIRIE B. BEHR (E. BOCK).
BERLIN 27, Unter den Linden.

En vente chez le même éditeur:

ÉTUDES
SUR
L'AVENIR DE LA RUSSIE
PAR
D. K. SCHÉDO-FERROTI.

Première étude:
LA LIBÉRATION DES PAYSANS.
Quatrième Édition. 15 Sgr.

Deuxième étude:
LES PRINCIPES DU GOUVERNEMENT ET LEURS CONSÉQUENCES.
Troisième Edition. 15 Sgr.

Troisième étude:
MALVERSATIONS ET REMÈDES.
Deuxième Édition. 1 Thlr.

Quatrième étude:
LA NOBLESSE.
Deuxième Édit. 1859. 1 Thlr.

Cinquième étude:
LE MILITAIRE. LA GARDE ET L'ARMÉE.
1860. 1 Thlr.

Sixième étude:
LES SERFS NON ENCORE LIBÉRÉS.
1861. 20 Sgr.

LETTRE à MONSIEUR HERZEN par D. K. Schédo-Ferroti. 1861. 10 Sgr.
LETTRES sur les chemins de fer en Russie. 1861. 12 Sgr.
LA GRANDE COMPAGNIE des chemins de fer Russes. 1861. 7½ Sgr.
LA NOUVELLE SAINTE-ALLIANCE. 1861. 10 Sgr.
POLOGNE-RUSSIE. 1861. 5 Sgr.
BEITRAG ZUR RUSSISCHEN FINANZLAGE. Eine Stimme aus Russland. 2. Auflage. 12 Sgr.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ МЕНЩИКОВЪ И ЛЕЙБНИЦЪ.

РАЗГОВОРЪ, БЫВШІЙ ВЪ ТОРГАУ 1711 ГОДА.
8. 1861. 10 Sgr.

2007111257